

ФЕЙКОВЫЙ ХАРАКТЕР ИНФОРМАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА

Ахунзянова Фариды Тагировны, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Аннотация. Введение в УК РФ и в КоАП РФ правовых новелл, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации, ставит вопрос об особенной роли в таких делах эксперта-лингвиста, так как это речевые правонарушения. Опираясь на методические материалы Министерства юстиции РФ, а также на собственную экспертную практику автор статьи определяет пределы компетенции эксперта-лингвиста, но демонстрирует при этом коммуникативно и законодательно обоснованную возможность их расширения. Цель статьи – определить пределы компетенции эксперта-лингвиста в делах, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации, указать на коммуникативно и законодательно обоснованную возможность их расширения. При проведении исследования применялись эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: 1) определены пределы компетенции эксперта-лингвиста в делах, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации; 2) продемонстрированы коммуникативно и законодательно обоснованные возможности расширения пределов компетенции эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: судебная экспертология, лингвистическая экспертиза, распространение заведомо ложной (недостоверной) информации, пределы компетенции эксперта-лингвиста

Для цитирования: Ахунзянова Ф.Т. Фейковый характер информации: к вопросу о пределах компетенции эксперта-лингвиста // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 206–210. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-206-210>

Research Article

FAKE NATURE OF INFORMATION: ON THE QUESTION OF THE LIMITS OF THE COMPETENCE OF EXPERT LINGUIST

Farida T. Akhunzianova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Abstract. The introduction of legal novelties related to the dissemination of false (fake) information raises the question of the role of an expert linguist in such cases, since we are talking about speech offences. Based on the methodological materials of the Ministry of Justice of the Russian Federation, as well as on her own expert practice, the author of the article determines the limits of the competence of an expert linguist, but at the same time demonstrates the possibility of expanding them communicatively and legally. Purpose is to determine the limits of competence of an expert linguist in cases related to the dissemination of false (fake) information, to point out the communicatively and legally justified possibility of their expansion. Methods include empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: 1) the limits of competence of an expert-linguist in cases related to the dissemination of false (fake) information are determined; 2) possibilities for expanding the limits of the competence of an expert linguist demonstrated communicative and legal justification.

Keywords: forensic expertology, linguistic expertise, dissemination of deliberately false (fake) information, limits of competence of expert linguist.

For citation: Akhunzianova F.T. Fake nature of information: on the question of the limits of the competence of expert linguist. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 206–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-206-210>

Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ (Российский федеральный центр судебной экспертизы) при Минюсте России 17 июня 2022 года протоколом № 2 было утверждено методическое письмо «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации», подготовленное под руководством директора ФБУ РФЦСЭ доктора юридических наук, профессора А.И. Усова, кандидата филологических и юридических наук В.О. Кузнецова [Кузнецов].

В письме даны рекомендации о назначении и проведении лингвистических экспертиз в рамках рассмотрения дел по новым статьям УК РФ и КоАП РФ. Речь идет об административной и уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о Вооруженных силах РФ.

В рамках дел о распространении заведомо ложной информации авторы письма напоминают, что уже есть сложившаяся практика проведения лингвистических экспертиз. Кроме того, Верховный суд РФ в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанной с применением законодательства и мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции (утв. Президиумом Верховного суда 30 апреля 2020 года), дал разъяснения по квалифицирующим признакам этих преступлений: что считать заведомо ложной информацией и что понимается под ее распространением¹. Эти же квалифицирующие признаки имеют место и в диспозиции ст. 270.3 УК РФ², а также ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ³.

Задача эксперта-лингвиста состоит в том, чтобы установить, в какой форме была подана спорная информация и допускает ли способ ее подачи проверку на соответствие действительности, то есть выражалась ли информация в форме утверждения о фактах или в форме мнения, оценки. Юридически значимы будут высказывания в форме утверждения.

Авторы письма подчеркивают, что в компетенцию лингвиста-эксперта не входит юридическая (правовая) квалификация действий. За пределы специальных знаний также выходит решение вопросов, связанных с установлением заведомо ложной информации, квалификации информации как фейка, выявление признаков фейковой информации, проверка информации на соответствие действительности.

В качестве типового вопроса эксперту предлагается следующий: «Содержится ли в тексте информация о [...], выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?» [Кузнецов]. Однако, на наш взгляд, учитывая тот факт, что объект экспертизы в данном случае должен исследоваться только с учетом всей коммуникативной ситуации, в которой он использовался (что отдельно выделяют авторы письма), поми-

мо основного вопроса следует дополнительно поставить на разрешение эксперта следующие вопросы:

1. Каковы тематика и смысл представленных для исследования высказываний?
2. Содержится ли в данных высказываниях информация о каких-либо действиях Вооруженных сил РФ?
3. Если информация о каких-либо действиях Вооруженных сил РФ имеется, то выражена ли она в форме утверждения о фактах и событиях либо представляет собой оценочное суждение или выражение чьего-либо субъективного мнения?

Данные вопросы позволяют выявить в спорных материалах фактивные и нефактивные предикаты. Однако фейковая информация, претендуя на фактологическую точность, включает в себя и другие компоненты, выявление и описание которых вполне вписывается в парадигму специальных знаний лингвиста-эксперта. Речь идет, в частности, о наборе коммуникативных приемов аргументации. Перечень таких приемов давно является предметом научной лингвистической рефлексии, достаточно упомянуть таких авторов, как С.И. Поварнин [Поварнин: 56–110], О.С. Иссерс [Иссерс: 160–176], А.М. Шестерина [Шестерина: 240–241], Ю.В. Ивлев [Ивлев: 245–251] и др.

В случае с фейками мнимая достоверность достигается посредством выстраивания речевой модели, сходной с такими видами речевого воздействия, как убеждение и коммуникативное давление, которые в свою очередь реализуются через такие приемы аргументации, как апелляция к личному опыту, опыту схожей с адресатами социальной группы, навешивание ярлыков, брань, нагнетание неприглядных деталей, тревожных настроений, предъявление ложных дилемм и т. д. Эти приемы имеют специфическое лексико-синтаксическое выражение, их наличие и коммуникативная цель могут быть без особого труда определены экспертом-лингвистом.

Также важным компонентом, используемым с целью более основательного подтверждения достоверности сообщаемого, являются ссылки на источники, цифровые примеры (особенно точные числа и процентные показатели), статистические данные, инфографика, иллюстративный ряд, медийные включения (репортажи, свидетельства «очевидцев», аудио-записи).

Учитывая вышесказанное, считаем, что на разрешение эксперта-лингвиста может быть поставлен и такой факультативный вопрос: «Содержит ли информация о действиях Вооруженных сил РФ указания на какой-либо источник информации или иные коммуникативные средства аргументации? Если да, то каковы его (их) характеристики?»

Проиллюстрируем наши размышления примером. В одной из записей на странице пользователя

сети «ВКонтакте» тем же пользователем была размещена следующая информация: «10 самых кровавых терактов России в Украине. Россия постоянно обстреливает мирные города и села, их ракеты прилетают в школы, больницы, дома, где спят мирные люди. Журналисты собрали самые кровавые ракетные обстрелы Украины с начала полномасштабного вторжения РФ в Украину». Далее в тексте перечисляются последствия военных действий, происходящих на Украине, а именно: ракетных обстрелов Винницы, Кременчуга, Часова Яра, Мариуполя, Одессы, Сергеевки, Белогоровки в Луганской области, Краматорска, Харькова и его районов, Чернигова, Николаева – с указанием точных дат и числа погибших и раненых людей, в том числе детей. Также автор сообщает: «300 тысяч украинских детей были похищены и вывезены в Россию за время войны»⁴.

Согласно пресуппозиции заголовка «10 самых кровавых терактов России в Украине», действия ВС РФ являются террористическими актами, а согласно подзаголовочной части «Россия постоянно обстреливает мирные города и села», эти теракты осуществляются в отношении мирного населения Украины постоянно. Слово «постоянно» переводит семантический признак конкретности, временной локализованности действия в признак постоянно-непрерывного действия.

Согласно Большому юридическому словарю, *террористический акт* – преступление против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренное ст. 277 УК РФ. Заключается в посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенном в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность [БЮС: 746]. Кроме того, представленные в тексте обстрелы, – это только 10 самых кровавых терактов, то есть список военных преступлений России ими не ограничивается.

Также автор выдвигает утверждение о том, что за время войны, под которой, исходя из контекста записи, подразумевается специальная военная операция, осуществляемая на Украине Вооруженными силами РФ, было похищено и вывезено в Россию 300 000 украинских детей.

Согласно Новому словарю русского языка, *похитить* – тайно унести, увести или увезти; выкрасть [Ефремова]. То есть утверждается, что в ходе спецоперации Россия массово похищает украинских детей.

Вся информация подается в форме утвердительных повествовательных предложений, используются глаголы изъявительного наклонения несовершенного вида (данная форма подчеркивает актуальность и незавершенность описываемых этими глаголами дей-

ствий [Маслов: 71]), отдельных показателей субъективной модальности нет.

Показательно, что фрагмент перегружен цифрами. С точки зрения жанра новостной заметки это недопустимо и в обычном случае подлежало бы редакторской правке, однако здесь такая перегруженность используется целенаправленно: она не просто создает эффект точности, достоверности, убедительности, но и нагнетает негативные смыслы, подчеркивая и усиливая трагичность сообщаемого. Для максимальной убедительности информация дополнена иллюстративным материалом в виде карты, на которой нанесены условные обозначения описываемых ракетных обстрелов.

Экспертная практика автора показывает, что распространение информации о действиях Вооруженных сил РФ в ходе спецоперации практически всегда включает в себя признаки дискредитации целей использования ВС РФ. Попытка описать коммуникативные тактики и приемы такой дискредитации представлена автором в работе «Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы» [Ахунзянова: 170–171]. На наш взгляд, в таком случае эксперт может указать на такие признаки в своем заключении, даже если перед ним не были поставлены соответствующие вопросы, что законодателем вполне допускается. Согласно ст. 204 УПК РФ «Заключение эксперта»: «Если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении»⁵.

Так, в примере, приведенном выше, признаки дискредитации использования ВС РФ усматриваются в высказываниях: «полномасштабное вторжение РФ в Украину», «Россия постоянно обстреливает мирные города и села», которые по своему смыслу идут вразрез с официально объявленными целями специальной военной операции.

Приведем еще пример: «Российские оккупанты утром ударили по Николаю из «Градов». Выпустили 53 ракеты по мирным жилым кварталам!», где в контексте утверждения о действиях ВС РФ в пресуппозиции содержится негативная оценка целей их использования.

Согласно словарной фиксации в Новом словаре русского языка, *оккупант* – участник оккупации, захватчик; *оккупация* – насильственный захват чужой государственной территории военной силой [Ефремова].

То есть действия ВС РФ преподнесены так, будто они имеют своей целью насильственный захват чужой государственной территории военной силой. Такие цели, безусловно, не соответствуют целям защи-

ты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, то есть нормативной оценке. Выдвижение такой номинации в качестве констатации может способствовать изменению мнения читателей и формированию нужного автору убеждения. Таким образом, определение «российские оккупанты» совпадает с диагностическим комплексом «Дискредитация использования ВС» [Сакераж, Кузнецов] и позволяет эксперту дать категорические положительные выводы.

Примечания

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения 04.01.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 04.01.2023).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: (в ред. от 24.09.2022) // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Из материалов уголовного дела.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.01.2023).

Список литературы

Ахунзянова Ф.Т. Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы // Государство и право. 2022. № 7. С. 168–172.

Большой юридический словарь / авт.-сост. А.Б. Борисов. Москва: Книжный мир, 2010. 848 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 04.01.2023).

Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации: учебник для вузов. Москва: Проспект, 2009. 288 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Кузнецов В.О. Методическое письмо «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз ин-

формационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации». Москва: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (дата обращения: 04.01.2023).

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; вступит. ст. А.В. Бондарко [и др.]. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практике спора. 2-е изд., испр. и доп. Петроград, 1923. 114 с.

Секераж В.Н., Кузнецов В.О. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации». Москва: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте, 2022. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (дата обращения: 04.01.2023).

Шестерина А.М. Особенности репрезентации фейковой информации в аудиовизуальном медиаконтенте // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 237–246. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-237-246>.

References

Akhunzianova F. *Problema otvetstvennosti za diskreditatsiiu ispol'zovaniia Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii v kontekste lingvisticheskoi ekspertizy* [The problem of responsibility for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in the context of linguistic expertise]. *Gosudarstvo i pravo* [Gosudarstvo i pravo], 2022, No. 7, pp. 168-172. (In Russ.)

Bol'shoi iuridicheskii slovar' [Big legal dictionary], comp. by A.B. Borisov. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2010, 848 p. (In Russ.)

Efremova T. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolko-vo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational]. Moscow, Russian language Publ., 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Ivlev Yu. *Teoriia i praktika argumentatsii* [Theory and practice of argumentation]. Moscow, Prospect Publ., 2009, 288 p. (In Russ.)

Issers O. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Kuznetsov V. *Metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostiakh sudebnykh lingvisticheskikh ekspertiz infor-*

matsionnykh materialov, sviazannykh s publichnym rasprostraneniem pod vidom dostovernnykh soobshchenii zavedomo lozhnoi (nedostovernnoi) informatsii [Methodological letter «On the peculiarities of forensic linguistic examinations of information materials related to the public dissemination of deliberately false (inaccurate) information under the guise of reliable messages»]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Maslov Yu. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General Linguistics], ed. by A.V. Bondarko et al. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 840 p. (In Russ.)

Povarnin S. *Iskusstvo spora. O teorii i praktike spora* [The art of the dispute. On the theory and practice of the dispute]. Petrograd, 1923, 114 p. (In Russ.)

Sekerazh V., Kuznetsov V. *Metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostiakh kompleksnykh psikhologo-lingvisticheskikh sudebnykh ekspertiz informatsionnykh materialov, sviazannykh s publichnoi diskreditatsiei*

ispol'zovaniia Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii» [Methodical letter «On the features of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation»]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice, 2022. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Shesterina A. *Osobennosti reprezentatsii feikovoï informatsii v audiovizual'nom mediakontente* [Features of representation of fake information in audiovisual media content]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorii, filologiya* [Bulletin of NGU. Ser.: History, philology], 2021, vol. 20, No. 6: Journalism, pp. 237-246. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-237-246> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.23; одобрена после рецензирования 08.02.23; принята к публикации 08.02.23.

The article was submitted 13.01.23; approved after reviewing 08.02.23; accepted for publication 08.02.23.